

УДК 94(58) + 929(510)

Р. Т. Ганиев

ТАНСКИЙ ИМПЕРАТОР ТАЙ-ЦЗУН И ВОСТОЧНЫЕ ТЮРКИ В 627–649 гг.*

В истории Восточно-тюркского каганата события 630–679 гг. имеют особое значение, т. к., по мнению многих исследователей, в данный период государство тюрков не существовало. Ученые прерывают его историю, разделяя на Первый (545–630) и Второй Восточно-тюркский (679–745) каганаты. Основной причиной поражения тюрков называют поход императора Тай-цзуна в 630 г. и его дальнейшую активную политику по усилению Китая в 630–649 гг., в результате которой тюрки уже не представляли собой грозную военно-политическую силу вплоть до их восстания в 679 г. В статье впервые предпринята попытка анализа политических процессов в 627–649 гг. в истории китайского государства и Восточно-тюркского каганата в свете новых климатических исследований и данных китайских письменных источников, позволяющая пересмотреть некоторые устоявшиеся стереотипы в тюрко-китайских отношениях этого периода. Анализируются природно-климатические события 627–630 гг., способствовавшие ухудшению социально-экономического и военно-политического положения тюрков, а также политика императора Тай-цзуна, взявшего курс на создание единого китайско-тюркского государства при непосредственном участии восточных тюрков. Во многом именно благодаря тюрко-китайскому тандему, император Тай-цзун смог добиться внешнеполитических и внутренних успехов для своего объединенного государства и превратить его в великую империю Тан.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Сели каган; император Тай-цзун; династия Тан; восточные тюрки; Тюркский каганат; кочевники.

В 620 г., когда Сели каган возглавил тюрков, Восточно-тюркский каганат представлял собой мощное и боеспособное военно-политическое объединение, оказывающее влияние не только на Китай, но и на всю региональную политику.

* Исследование выполнено при поддержке Gerda Henkel Stiftung, AZ 02/V/14.

Однако в конце 20-х гг. VII в. ситуация в государстве тюрков кардинальным образом изменилась: кочевники находились на грани выживания. Причиной послужили глобальные природно-климатические катаклизмы, коснувшиеся Центральной Азии.

Масштабное похолодание на территории Евразии в 627–630 гг., отмеченное в древесных кольцах на Ямале, в Северной Америке, на севере Средней и Восточной Сибири, современные ученые связывают с крупным извержением вулкана. Из европейских летописей известно, что начиная с октября 626 г. сухой туман в течение 8–9 месяцев покрывал обширную территорию, по крайней мере, Ирландию и восточное Средиземноморье. В самом Китае (империи Тан) также отмечен заморозок в конце лета 627 г., уничтоживший урожай в нескольких провинциях. Такие же события в Китае отмечены и в 628–629 гг. [Хантемиров, Горланова, Сурков, Шиятов].

Именно климатические экстремумы этого периода явились главным фактором ослабления Восточно-тюркского каганата. Подобную точку зрения поддерживают и китайские исследователи, занимающиеся вопросами изучения последствий извержения вулкана 626 г. [Fei, Zhou, Hou]. По их мнению, похолодание коснулось всей территории Центральной Азии, в том числе и северных провинций Китая, но наиболее пострадавшей стороной явился Восточно-тюркский каганат, кочевая экономика которого не выдержала резких и продолжительных холодов [Ibid.].

Экономические трудности повлекли за собой дестабилизацию политической ситуации внутри каганата. В 627 г. севернее горы Иньшань против Сели взбунтовались Сеяньто, Хойхэ (уйгуры), Баегу и другие племена и сместили его сына Юйгу Шада.

В условиях экономической катастрофы, которая поставила тюрков на грань выживания, обнажились все противоречия внутри тюркского общества, а также внутри самого Восточно-тюркского каганата.

Источники сообщают, что «Сели доверил ху (согдийцам) управление государством, отдалил от себя родственников и не взял их на службу. Он каждый год мобилизовал солдат и вторгался в китайскую область, так что его люди не могли больше терпеть эти походы. Ху (согдийцы) были бесцеремонными и жадными; часто они были непостоянными, а также их предписания и приказы. Год за годом царил голод. Налоги и платежи были тяжелыми, и племена все больше и больше уходили от него» [Liu Mau-Tsai, S. 194].

Таким образом, в среде тюркского общества постепенно назревал внутренний конфликт, одновременно росло недовольство и недоверие к политике Сели кагана.

Ситуация в каганате усугублялась, и многие племена, по выражению китайских летописцев, стали самовольными и отказались подчиняться Сели кагану. Даже ближайшие сановники Сели (Тули каган, Юй-шэ Шад, Инь-най Тэлэ (= Тегин) и др.) перешли на сторону Тай-цзуна [Ibid.].

Обстановка в каганате усложнялась и тем, что Сели, в условиях резкого сокращения податного населения, увеличил налоги для оставшегося населения и собирал их, вероятно, с использованием репрессивных мер.

Официальной причиной начала военных действий императора Тай-цзуна против Сели явились его тесные отношения с Лян Ши-ду, сепаратистом, контролирующим территорию Ордоса¹ и выступающим против династии Тан. К тому времени Сели каган не представлял собой военной угрозы, т. к. основные силы его покинули и на начало сражения с китайскими войсками, по сведениям китайских источников, он имел армию в количестве 10 000 солдат [Liu Mau-Tsai, S. 194].

Таким образом, поражение армии Сели кагана от китайцев в начале 630 г. стало лишь закономерным событием, как результат его антинародной политики. Оно было выгодным как для Китая, так и для восточных тюрков, которые на протяжении последних трех лет были недовольны его действиями. Значение битвы 630 г. в установлении китайского доминирования над Восточно-тюркским каганатом преувеличено и не соответствует реальности. Ее итогом стало лишь оформление сложившейся ситуации. Интересы Китая и восточных тюрков совпали, и судьба Сели кагана была предрешена. В отличие от Сели кагана, Восточно-тюркский каганат представлял собой политическую силу, с которой необходимо было считаться. Доказательством этому служит эпизод из Тан шу, в котором император Тай-цзун через год после поражения Сели кагана отправляет посольство, чтобы выкупить «золотом и шелком» 80 000 китайцев, переселившихся к восточным тюркам в поздний период династии Суй [Ibid., S. 196].

После поражения Сели кагана император Тай-цзун встал перед выбором дальнейшей политики по отношению к тюркам. Восточно-тюркский каганат существовал, но был без правителя. Тай-цзун хотел, чтобы каганом стал бывший соратник Сели — Тули каган, который ранее перешел на его сторону, и этот вопрос обсуждался императором Тай-цзуном. Но Тай-цзун сказал Тули кагану: «Я не назначу тебя каганом, т. к. я раньше пережил это с Циминь (в качестве опасности). Я буду вести другую политику и хочу долгого мира для Китая и длительного порядка для твоих кланов, поэтому я назначу тебя Ду-ду (военным губернатором). Ты должен, по закону нашего государства, держать в порядке своих сторонников. Вы не должны противостоять друг другу. Если ты пойдешь против закона, ты заплатишься!» [Ibid., S. 147–148]. Таким образом, Тай-цзун выбрал путь постепенного сближения Китая и Восточно-тюркского каганата под своим руководством, путь интеграции в надежде на долгий мир и длительный порядок. Однако Тули каган не оправдал надежд Тай-цзуна из-за болезни и смерти в 631 г. [Ibid.].

Весной 630 г. главы восточных тюрков прибыли ко двору Тай-цзуна с просьбой принять титул Небесного кагана, который давал бы китайскому императору право на верховный сюзеренитет над ними. Сановники и варвары четырех сторон света — все провозгласили здравицу «Ваньсуй», после чего главам северо-западных племен были вручены грамоты с императорской печатью, и все называли государя Тай-цзуна Небесным каганом [Бичурин]. Достойной кандидатуры среди тюрков после Сели кагана не оказалось, и они выбрали Тай-цзуна своим каганом. Он их вполне устраивал, т. к. к весне 630 г. практически

¹ Ордос — пустынное плато в Центральной Азии. С севера, запада и востока пустыню окаймляет изгиб реки Хуанхэ. По южной границе проходит Великая Китайская стена.

все высшие сановники тюрков уже выступали на стороне Тай-цзуна, примкнув к нему еще во время правления Сели кагана, поэтому они могли ему доверять. Его тюркские корни придавали ему еще больший вес. Тай-цзун официально оставался Небесным каганом тюрков вплоть до июля 639 г., когда он передал свои полномочия Ашине Сымо.

Личность императора Тай-цзуна была ключевой фигурой в установлении диалога между Китаем и Восточно-тюркским каганатом. Он играл роль соединительного моста между двумя культурами. Из китайских источников известно, что мать Ли Ши-миня была дочерью суйского аристократа тюркского происхождения Шэнь-гуна Доу И, который относился к военной элите Северо-Западного Китая. В 613 г. четырнадцатилетнего Ли Ши-миня женили на представительнице клана Чансунь из Лояна (пров. Хэнань) [Попова, с. 14]. Семья, из которой происходила супруга Ли Ши-миня, также была очень известной и уважаемой среди восточных тюрков благодаря деятельности ее отца — Чансунь Шэна. Он служил династии Суй в должности генерала правого корпуса Доблестной гвардии и очень часто исполнял функции посланника китайского императора в ставке кагана, т. к. тюрки испытывали к нему симпатию и доверяли ему [Liu Mau-Tsai, S. 96–110]. Ли Ши-минь, несомненно, был талантливым полководцем и выдающимся политиком, но для тюрков он не был завоевателем их государства, тюрки его воспринимали как представителя тюркских кровей.

С 630 г. император Тай-цзун постоянно балансировал между интересами Китая и тюрков. Он понимал, что тюрки в любой момент могут выступить против него так же, как и против Сели кагана, и он может оказаться в подобной ситуации, но он нуждался в тюрках. Цзю Тан шу приводит слова Тай-цзуна: «Я очень доволен, что варвары ослаблены и пограничная область свободна от беспорядков, но когда я вижу его [Сели кагана. — Р. Г.] падение и стеснение, я не могу, не испытывая страха, не спросить себя, не имел ли я неосмотрительность, и должен ли я бояться, что неудача и беда мне тоже может угрожать? Теперь я не могу ни вдаль глядеть, ни далеко слышать издали» [Ibid., S. 147]. Вместо мощной военно-политической поддержки со стороны тюрков, Китай в одночасье мог получить сильного внешнего врага. До тех пор, пока Тай-цзун действовал в интересах тюрков, они готовы были его поддерживать. До конца своей жизни Тай-цзуну удавалось сохранять этот хрупкий мир между Китаем и Восточно-тюркским каганатом, позволивший ему добиться серьезных успехов во внешней и внутренней политике.

После провозглашения императора Тай-цзуна в 630 г. каганом тюрков активизируется его внутренняя политика, особенно в военной сфере. Известно, что армия в раннетанском Китае формировалась по территориально-милиционному принципу (система фубин), которая была унаследована от династии Суй [Попова, с. 177–182]. Основная цель системы фубин — объединить гражданскую и военную службу. Войска, мобилизованные по принципу фубин, составляли основу раннетанской армии и, по мнению исследователей, создание фубин стало важнейшим условием усиления Танской империи [Там же, с. 182]. Сегодня среди исследователей нет четкого определения системе фубин. Одним из спорных вопросов является природа ее происхождения в Китае. Однако если исходить

из цели ее создания, то прообразом системы фубин может служить военно-социальная организация общества восточных тюрков или, в целом, центральноазиатских кочевников. С точки зрения китайцев, кочевники Центральной Азии представляли собой идеал совмещения гражданской и военной службы, т. к. эти две стороны жизни, например у восточного тюрка, не разделялись. Чередование военных походов и мирного быта для него были обыденными вещами, привычным образом жизни. Военные успехи тюрка напрямую зависели от развития основной хозяйственной деятельности кочевников — скотоводства, т. к. конница была основной военной единицей тюрков. Уровень благосостояния тюрка также зависел от успешности военных кампаний. Таким образом, простота, взаимосвязь и универсальность образа жизни кочевника очевидна, главным его преимуществом была мобильность — в отличие от китайского образа жизни с четким функциональным разделением на военных и гражданских лиц. Подобную практику совмещения этих двух функций Китай решил внедрять на северных территориях по примеру кочевников еще с середины VI в., но реальных успехов сумел достичь лишь при династии Тан во время правления императора Тай-цзуна, что не может являться простым совпадением.

Важным инструментом для социализации восточных тюрков в китайской среде было использование иноплеменных групп в совместных тюрко-китайских военных походах. Восточные тюрки в военном мастерстве стояли на первом месте среди других кочевников, о чем сообщают китайские источники. Естественно, такое использование иноплеменных отрядов в императорской армии изображается китайскими источниками в ироническом тоне, подчеркивая тем самым превосходство китайской стратегии и несовершенство и глупость «варваров», что вполне укладывается в общую характеристику китайских исторических хроник. В то же время Китай успешно использовал военную мощь восточных тюрков и одерживал с их помощью победы в крупных сражениях, т. е. отряды тюрков представляли собой реальную военную угрозу для внешних врагов. Следовательно, восточные тюрки с такой же силой могли ее обрушить и на Китай, как это происходило ранее на протяжении многих веков. Для этого достаточно было лишь незначительного повода, но во время правления императора Тай-цзуна этого не происходило. Одной из причин этого может служить также общность интересов ханьцев и тюрков под руководством Тай-цзуна.

Создание административно-территориальных структур цзими на территории Восточно-тюркского каганата императором Тай-цзуном также может рассматриваться как часть его объединительной политики.

До сих пор не существует единого подхода в определении структур цзими, их функций и целей среди отечественных и зарубежных синологов [Малявкин, с. 107]. В своей работе А. Г. Малявкин отмечает, что институт цзими «был призван закамуфлировать действительное положение, другими словами, правители империи выдавали желаемое за реально существующее. Естественно, об этом назначении всех внешнеполитических институтов и принципов внешней политики нигде в источниках прямо не говорится» [Там же, с. 109].

Создание округов цзими даже на территориях, население которых вполне могло быть в зависимости от Танского государства, ничего не меняло на местах.

Обычно вождь племени назначался на должность правителя округа, а территория вновь «созданного» округа полностью совпадала с территорией расселения племени. Должность правителя такого округа передавалась по наследству. Не создавались какие-либо органы управления по образцу танских регулярных округов, не проводилось и переписи населения [Малявкин, с. 343].

Другой исследователь, И. Ф. Попова, считает, что «создание структур цзими имело прежде всего политико-стратегический характер, поскольку создавало плацдарм для дальнейшего территориального расширения» [Попова, с. 189]. Однако, очень часто в подобных структурах власть династии Тан была лишь номинальной, а следовательно, рассматривать их в качестве плацдарма для дальнейших захватов территории было бы не совсем правильным с точки зрения военной стратегии, в частности, в отношении восточных тюрков, которые, по словам самих китайцев, были «непостоянными».

Западные и японские исследователи квалифицируют округа цзими как территории, находящиеся в вассальной зависимости. Главный вопрос, по мнению А. Г. Малявкина, заключается в определении этой зависимости и ее характера [Малявкин, с. 342].

В Синь Тан шу в разделе «Географическое описание» о цзими сообщается: «С тех пор, как Тай-цзун усмирил тюрков-туцзюэ, северные и западные фани, а также южные мани и восточные постепенно были включены во внутреннюю административно-территориальную структуру китайского государства... Впоследствии племена инородцев то оставались вассалами, то изменяли; установления и порядки для них не были одинаковыми и потому не могут быть рассмотрены подробно» [Попова, с. 188].

Таким образом, в каждой структуре цзими создавались особые условия существования того или иного народа, племени, государства в зависимости от его состояния и его значения для Китая. Утверждать о вассальной зависимости тюрков от Китая после 630 г. мы не можем, т. к. факты из источников свидетельствуют об обратном. Принимая во внимание политику Тай-цзуна в отношении тюрков и взятый им курс на сближение двух государств, можно предположить, что создание структур цзими на территории Восточно-тюркского каганата после 630 г. и включение тюрков во внутреннюю структуру государства носило в большей степени декларативный характер. Его целью было создание видимости (ощущения) единого государства тюрков и китайцев. По замыслу императора Тай-цзуна, человек, живущий на территории Китая (структуры цзими) пусть даже формально, должен ощущать себя не инородцем, а частью единого государства.

Но в отношении восточных тюрков император Тай-цзун пошел дальше. Он вполне мог остановиться на создании цзими чжоу для тюрков на северных окраинных территориях, установить особые условия проживания для них внутри этих структур, т. е. держать на расстоянии своих «врагов». Однако император Тай-цзун расселяет тюрков внутри Китая, а около тысячи их семей живут непосредственно в столице Чанъань, в самом сердце своего государства, что является прямым свидетельством реализации политики объединения восточных тюрков и китайцев императором Тай-цзуном в рамках создаваемого им тюрко-китайского государства.

Интеграционная политика Тай-цзуна нашла свое отражение и в создании уголовного кодекса Тан — Тан Люй Шу И.

Начало оформлению танского права положили еще приказы основателя танской династии Гао-цзу, изданные в период окончательного утверждения его власти (618 г.) [Рыбаков].

За образец был взят свод законов, принятый в годы правления Кай-хуан (589–600) в суйском государстве — впоследствии кодекс Кай-хуан был заменен значительно более суровым кодексом годов правления Да-е (605–617). Кодекс был составлен, но модифицированными оказались лишь 53 статьи, что мало кого могло устроить в наступившую новую эпоху — эпоху стабилизации и процветания. С этого времени началась работа танских правоведов по созданию кодекса, которая была нацелена на максимально возможное смягчение наказаний и приведение предписаний кодекса в соответствие с практикой жизни, в том числе и с практикой управления. Работа эта проводилась поэтапно, над составлением текстов в разное время трудились различные группы наиболее влиятельных сановников того времени — пока, наконец, в 653 г., под руководством родственника императора Чжансунь У-цзи, был создан окончательный вариант [Там же].

В кодексе образца 653 г. В. М. Рыбаковым были отмечены разъяснения — шуи. По мнению В. М. Рыбакова, «группа Чжансунь У-цзи позаботилась не только о подсудимых, но и о судьях, насколько возможно облегчив их задачу пространными разъяснениями и даже введя в текст, насколько мне известно, уникальный для мировой правовой практики механизм вопросов и ответов. Наиболее частные и наиболее специфические ситуации применения законов, а также их применение в сложных, противоречивых ситуациях прямо разъяснялись в ответ на заданные, так сказать, от редакции вопросы, часто начинающиеся словами: “Еще не знаем, как...”» [Там же].

Появление разъяснений в новом уголовном кодексе Тан также является закономерным следствием и развитием политики императора Тай-цзуна уже при его преемниках. Разъяснения были сделаны не только для китайцев, но и, скорее всего, для инородцев, которых к середине VII в. на китайской службе и в качестве рядовых граждан было огромное количество, что позже стало причиной ограничения приема на службу не китайцев [Lewis, p. 155].

Личность Чжансунь У-цзи еще во время императора Тай-цзуна фигурирует в китайских источниках в связи с деятельностью, связанной с восточными тюрками. Его биография содержится в Тан шу и Цзю Тан шу [Liu Mau-Tsai, S. 330].

Таким образом, процесс объединения тюрков и китайцев, начатый императором Тай-цзуном в 630 г., реализовывался также в 653 г. с введением нового уголовного кодекса Тан, отразившего важные социальные изменения в Китае.

Успех политики Тай-цзуна не мог не вызвать раздражение как среди китайцев, так и среди тюрков. Среди них были люди, выступавшие за сохранение китайской и тюркской идентичности и восстановление статус-кво. Одним из них был младший брат Тули кагана по имени Цзэшэшуай, совершивший в 639 г. покушение на императора. Примечательно, что широкой поддержки Цзэшэшуай среди тюрков не нашел.

После покушения на императора при дворе все чаще стали раздаваться речи сторонников безопасности Китая. Под их давлением тюрков расселили в области к северу от Желтой реки (в Суй-юань). Кроме того, император приказал в дальнейшем Туцзюэ и Ху (варварам), которые поселились ранее в китайских префектурах, переправиться через (Великую) реку, идти на Север и возвратиться в свою старую родовую область. Император назначил Ашину Сымо каганом и присвоил ему фамилию Ли (императорского дома). Ашина Сымо повел своих родственников и учредил ставку на севере (Великой реки в Суй-юань) [Liu Mau-Tsai, S. 152].

Источники сообщают о количестве тюрков в 100 000 мужчин и 40 000 боевых способных солдат, перешедших под командование Сымо, но не известна судьба тех тюрков, которые к 639 г. уже целое десятилетие жили в столице Чаньань, а также нескольких тысяч семей, проживавших во внутренних землях Китая. На исконно тюркских землях к началу 40-х гг. VII в. укрепилось племя Сеяньто. Ашина Сымо боялся их и отказывался покидать китайскую территорию, несмотря на мощную дипломатическую и военную поддержку Китая.

Таким образом, император Тай-цзун после покушения на свою жизнь в 639 г. принимает ряд решений. Во-первых, он возвращает тюрков на их исконные земли, т. е. дает им свободу и право выбора места проживания, в Китае или на территории Восточно-тюркского каганата. Во-вторых, он официально провозглашает Ашину Сымо тюркским каганом с соблюдением церемониала. В-третьих, он выступает на стороне тюрков в споре за земли с племенами Сеяньто, которые хозяйничали на них последние несколько лет и в итоге в 646 г. Сеяньто окончательно подчиняются. После провала Ашины Сымо источники сообщают, что люди его орды снова изъявили желание переселиться на китайскую территорию, и им было позволено. Подобное благоволение императора тюркам отчасти может быть объяснено их совместными военными походами, например, против Кореи в 645 г., о чем также сообщают китайские источники. Однако Тай-цзун мог сделать ставку в военном отношении и на Сеяньто, но в данных условиях он выбирает тюрков, что свидетельствует об особом статусе восточных тюрков для императора Тай-цзуна.

После смерти Ашины Сымо среди тюрков встал вопрос о выборе кагана. Кандидатур у Тай-цзуна уже не было (Тули каган, Ашина Сымо скончались), у тюрков подходящей фигурой был только один человек — Цзюйби. Цзю Тан шу сообщает, что Цзюйби был отважным от природы и хорошим стратегом, и его люди были ему очень преданны и хотели выбрать его своим каганом, но он отказался в пользу предводителя Сеяньто. Впоследствии Цзюйби вступил в конфронтацию с Сеяньто и вынужден был бежать в свою старую родовую область, которая находилась в 10 000 ли от столицы (Чаньань). Он располагал более чем 30 000 закаленными в боях солдатами. Там он сам себя объявил Ичжуцзюйби каганом. На Западе были Гэлолу и на Севере Цзэгу; они все ему подчинились [Ibid., S. 148].

К 646 г. при помощи Китая была полностью решена проблема тюрков с Сеяньто и вновь на огромной территории от озера Байкал на севере и вплоть до столицы танского Китая Чаньань на юге повсюду проживали восточные тюрки.

Территория была огромной, влияние тюрков на ней велико, причем как на севере в степи, так и на юге в Китае. Во главе их стоял энергичный каган. Таким образом, были созданы все условия для очередного усиления Восточно-тюркского каганата, которое не мог не заметить император Тай-цзун. Угроза для политики Тай-цзуна со стороны Цзюйби кагана была лишь вопросом времени, и император не заставил себя ждать. Он срочно принял меры, организовал военный поход против Цзюйби, но довести его до конца вынужден был уже его преемник — император Гао-цзун. Тай-цзун умер в 649 г.

Примечательно, что одновременно со смертью Тай-цзуна в китайских источниках исчезают подробные сведения о тюрках при его преемниках. Косвенно это может свидетельствовать и об изменении отношения к тюркам сразу после его смерти.

Смерть Тай-цзуна ослабила связь ханьцев и тюрков, которая за время правления императора существенно укрепилась. Тай-цзун был связующим звеном между двумя культурами. После смерти его политика, словно по инерции, еще приносила свои плоды вплоть до 679 г., когда просчеты во внутренней и внешней политике императоров Тан свели на нет все предыдущие достижения периода Чжэнь-гуань (627–649), что привело к охлаждению в отношениях и развитию нового витка соперничества Восточно-тюркского каганата с Китаем после 679 г.

В конечном итоге тридцать лет мира, декларируемые в китайских источниках, привели к восстанию тюрков в 679 г. и полному провалу политики объединения тюрков и китайцев, начатой Тай-цзуном, т. е. противостояние между тюрками и китайцами медленно, но верно нарастало в этот период. Основной причиной являлась недальновидная политика преемников Тай-цзуна, требующая специального исследования. Главной причиной стало то, что при преемниках Тай-цзуна китайские императоры уже не проявляли заботу о тюрках в том объеме, в котором они ее получали в период Чжэнь-гуань. Император Тай-цзун в самом конце своего правления сказал своим сановникам: «С древних времен все дорожили Китаем и недооценивали варваров (ди), только я люблю (всех) одинаково, поэтому для разных племен я как отец и мать» [司馬光]. После Тай-цзуна так не мог сказать ни один из китайских императоров династии Тан. Поэтому тюрки все больше и больше отдалялись от Китая, они все меньше ощущали себя полноправными членами тюрко-китайского общества, а Китай все настойчивее выступал за сохранение своей идентичности в ущерб тюркским интересам, что, в итоге, и привело к росту напряженности.

Таким образом, 630–679 гг. были периодом уникального опыта по созданию объединенного государства и тюрко-китайской культуры под руководством Тай-цзуна при равноценном участии восточных тюрков. Первая цель достигнута не была, а вторая отчасти была реализована. В одной из последних книг американского синоведа М. Э. Льюиса о танском Китае автор называет империю Тан «космополитической» [Lewis], с чем можно согласиться, но с небольшой оговоркой. Среди окружающего этнического многообразия империи Тан восточные тюрки имели особый статус. Император Тай-цзун и его окружение знали восточно-тюркское общество изнутри и смогли уловить его настроение и ожидания, поэтому тюрки до самого конца находились на его стороне.

В период 630–679 гг. шел активный процесс равноценного инкорпорирования двух культур в политической, экономической и культурной сферах, который послужил толчком для развития как отдельно китайской, так и тюркской культур в будущем. На базе тюрко-китайской культуры родилось новое, более высокоразвитое общество — Восточно-тюркский каганат 679–745 гг., многое из которого в процессе эволюции перенял Уйгурский каганат и более поздние кочевые политические образования. Все они явились закономерным результатом складывания и существования в 630–679 гг. тюрко-китайской общности, которая дала импульс для их развития и явилась эталонным образцом политической жизни для будущих поколений тюрков и китайцев, но, к сожалению, не востребованной среди них.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Летопись китайской империи, называемая Юй-пъхи цзы чжи тхун-цзянь ган-му. Разделенная на три части, летопись древнюю, среднюю и новейшую / пер. с кит. И. Бичурина. Архив востоковедов Санкт-Петербургского Института восточных рукописей РАН. Т. 8. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 8. [Bichurin N. Ja. (Iakinf). Letopis' kitajskoj imperii, nazyvaemaja Juj-p'hi czy chzhi thun-czjan' gan-mu. Razdelennaja na tri chasti, letopis' drevnjuju, srednjuju i novejšuju / per. s kit. I. Bichurina. Arhiv vostokovedov Sankt-Peterburgskogo Instituta vostochnyh rukopisej RAN. T. 8. F. 7. Op. 1. Ed. hr. 8.]

Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследования. Новосибирск, 1989. 432 с. [Maljavkin A. G. Tanskije hroniki o gosudarstvah Central'noj Azii. Teksty i issledovanija. Novosibirsk, 1989. 432 s.]

Попова И. Ф. Политическая практика и идеология раннетанского Китая. М., 1999. 279 с. [Pорова И. Ф. Politicheskaja praktika i ideologija rannetanskogo Kitaja. М., 1999. 279 s.]

Рыбаков В. М. Танский кодекс и его основные положения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusf.ru/rybakov/pages/oriental1.html#kodex> (дата обращения: 13.07.2014). [Rybakov V. M. Tanskij kodeks i ego osnovnye polozenija [Electronic resource]. URL: <http://www.rusf.ru/rybakov/pages/oriental1.html#kodex> (mode of access: 13.07.2014).]

Хантемиров Р. М., Горланова Л. А., Сурков А. Ю., Шиятов С. Г. Экстремальные климатические события на Ямале за последние 4100 лет по дендрохронологическим данным // Изв. РАН. Сер. географическая. 2011. № 2. С. 89–102. [Hantemirov R. M., Gorlanova L. A., Surkov A. Ju., Shijatov S. G. Jekstremal'nye klimaticheskie sobytija na Jamale za poslednie 4100 let po dendrochronologicheskim dannym // Izv. RAN. Ser. geograficheskaja. 2011. № 2. S. 89–102.]

Fei J., Zhou J., Hou Y.J. Circa A. D. 626 volcanic eruption, climatic cooling, and the collapse of the Eastern Turkic Empire // Climatic Change. Vol. 81. 2007. N. 3–4. P. 469–475.

Lewis M. E. China's cosmopolitan empire: the Tang dynasty. Cambridge ; London, 2009. 356 p.

Liu Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (Tu-kue). (Göttinger Asiatische Forschungen. Bd. 27). I. Buch (Texte), II. Buch (Anmerkungen. Anhang. Index) // Göttinger Asiatische Forschungen. Bd. 10. Wiesbaden, 1958. 831 S.

司馬光. 資治通鑑. (Сыма Гуан. Цзы чжи тун цзянь) [Electronic resource]. URL: <http://www.tianyabook.com/lishi/zizhitongjian> (mode of access: 15.07.2014).

Статья поступила в редакцию 29.07.2014 г.